зоваться. И мысль эта не есть мысль, которая представляется ему въ часы унынія, это не есть мысль, которой можно избѣгнуть, это, наоборотъ, истина настолько очевидная и безспорная, что если она разъ только представится уму человѣка или если ее объяснятъ ему другіе, онъ уже никогда отъ нея не избавится и не изгладитъ изъ своего сознанія.

Жизнь человѣка, какъ индивидуума, стремящагося только къ собственному благу среди безчисленнаго множества индивидуумовъ ему подобныхъ, разрушающихъ другъ друга и погибающихъ, эта жизнь есть зло и безсмыслица и истинная жизнь не можетъ быть такова.

Приводя нѣсколько опредѣленій жизни, какъ стремленія къ благу, заимствованныхъ у философовъ и религіозныхъ учителей, графъ Толстой замѣчаетъ:

Можно не соглашаться съ этими опредѣленіями жизни и признавать, что они могли бы быть выражены болѣе точно, болѣе ясно, но нельзя не видѣть, что признаніе ихъ даетъ разумный смыслъ жизни, уничтожаетъ противорѣчія въ жизни и замѣняетъ стремленіе индивидуальности къ недостижимой цѣли стремленіемъ къ такому благу, котораго ни страданія, ни смерть не могутъ разрушить.

Какъ изъ послѣднихъ словъ, такъ и изъ общаго смысла книги его ясно, что графъ Толстой имѣетъ